

ПОЛИТИКА

Т.А.Алексеева, С.С.Гореславский

Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки

Потенциал развития и факторы риска

В статье рассматриваются основные принципы, тенденции и проблемы военно-технического сотрудничества России со странами Латинской Америки. К началу XXI в. Латинская Америка превратилась в весьма перспективный, емкий рынок импорта продукции военного назначения привлекательный для основных производителей вооружения мирового уровня, в том числе для России. Этому во многом способствовал комплекс сложившихся на региональном уровне факторов как геополитического, национально-политического, так и финансово-экономического и промышленно-технологического характера. В результате во многих странах региона были приняты решения в области военного строительства, направленные на переход к модернизации эксплуатирувавшихся вооружений и военной техники, представленных, как правило, уже устаревшими образцами 1950—1970-х годов. В статье раскрываются потенциально наиболее значимые направления военно-технического сотрудничества России в регионе, имеющиеся риски и проблемы, сдерживающие это сотрудничество, а также благоприятные предпосылки для его наращивания в будущем.

Ключевые слова: Россия, страны Латинской Америки, военно-техническое сотрудничество, продукция военного назначения, региональный и мировой рынок вооружения, тендерные закупки вооружений.

DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6

Статья поступила в редакцию 11.06.2020.

Проблематика военно-технического сотрудничества (ВТС) России с зарубежными странами, представляющего собой одно из важнейших направлений деятельности государства на мировой арене, находится в центре

Татьяна Александровна Алексеева — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии военных наук, зав. кафедрой политической теории МГИМО-университета МИД РФ (РФ, 117454, Москва, пр. Вернадского, 74, ataleks@mail.ru); Сергей Степанович Гореславский — кандидат политических наук, консультант Центра оборонных проблем Академии военных наук (РФ, 119330, Москва, Университетский проспект, д. 14, gorstefan@mail.ru).

внимания международного научного и экспертного сообщества. Такой интерес закономерен и объясняется достигнутыми Россией в данной области вполне реальными успехами. Начиная с 2000-х годов Россия динамично наращивает свое участие в международной торговле вооружениями и военной техникой (В и ВТ), прочно удерживая второе место после США по этому показателю. В 2014—2019 гг. общий ежегодный объем российских экспортных поставок вооружений и военной техники составлял порядка 15 млрд долл. [1]. В этот же период Россия подписала соглашения о военно-техническом сотрудничестве с 39 странами Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки [2].

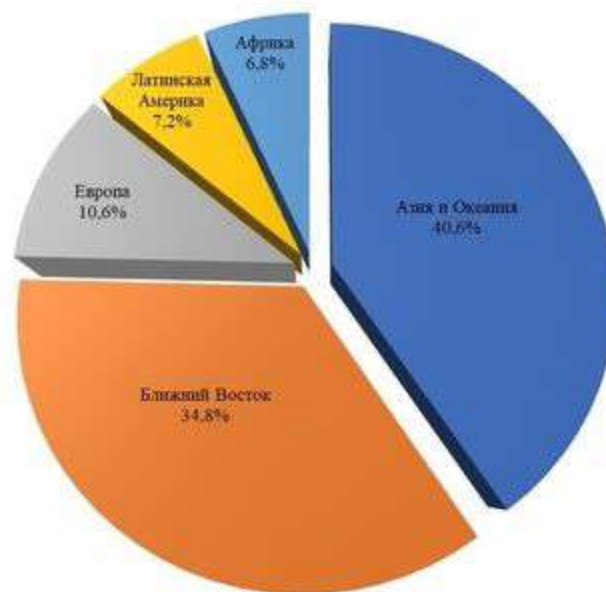
Прежде чем приступить к предметному рассмотрению тематики статьи, представляется весьма важным в качестве отправной точки ознакомиться с соответствующим российскому законодательству юридическим и экономическим содержанием самого термина военно-техническое сотрудничество. Так, под ВТС понимается деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом-ввозом продукции военного назначения (ПВН), ее разработкой и производством в интересах иностранного государственного заказчика, включая предоставление соответствующих услуг и интеллектуальных результатов работы [3]. Эта деятельность осуществляется в рамках особого законодательства под контролем российских уполномоченных федеральных органов власти и непосредственно президента страны, образующих систему военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. Следует также подчеркнуть, что при осуществлении политического курса в данной области Россия строго придерживается основополагающих международных договоров в области международной безопасности и контроля за экспортом ПВН, принципа отказа от поставок оружия в нарушение Устава ООН, соблюдения взаимовыгодных военно-политических и экономических интересов с иностранными государствами-партнерами и др. [4, с. 28].

В последние десятилетия Латинская Америка традиционно привлекает повышенное внимание ведущих мировых производителей и экспортеров ПВН, к которым относится и Россия как потенциально перспективный оружейный рынок. Вместе с тем на данный момент в экспертном сообществе и профильных российских ведомствах преобладают две противоположные, чуть ли не взаимоисключающие точки зрения относительно перспектив развития ВТС с Латинской Америкой.

Сторонников первой позиции можно условно отнести к пессимистам. По их мнению, это сотрудничество имеет мало шансов для развития: уровень конфликтности в регионе относительно невысок, и, следовательно, ожидать от этой группы стран крупных заказов не приходится. Приверженцы второго подхода выступают за проведение в регионе активной маркетинговой работы с учетом ряда благоприятных факторов. Прежде всего, к настоящему времени Россия уже создала неплохие заделы для сотрудничества, а именно — партнерство с Венесуэлой, Перу, Кубой, Никарагуа, осуществлен ряд крупных проектов с Бразилией, Мексикой, Колумбией, Эквадором, Уругваем, Аргентиной. Совокупный усредненный объем советского/российского вооружения и военной техники в указанных странах достигает 20-25%, что в стоимостном выражении эквивалентно

18-20 млрд долл. [5], а среднегодовой импорт на латиноамериканский оружейный рынок в 2015—2019 гг. составил весомый объем 7,2% от мирового (рис.1), или 6,1 млрд долл. в стоимостном выражении.

Р и с у н о к 1

Источник: составлено на основе данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI). Available at: www.sipri.org/publications/2020/Siri-facts-sheets/trends-arms-transfers-2019 (accessed 09.05.2019).

Напомним, что профессиональные армии возникли в странах Латинской Америки только во второй половине XIX в. Большое влияние на их формирование и развитие, в том числе в вопросах материально-технического обеспечения, оказали военные доктрины Франции и Германии (страны Южной Америки) и США (страны Карибского бассейна). Поскольку главной задачей армий вплоть до середины XX в. была преимущественно жандармская функция обеспечения борьбы с «внутренним врагом» в плане защиты политических и экономических интересов правящих элит, должному уровню технического оснащения этих армий внимания не уделялось. Только участие латиноамериканских государств во Второй мировой войне на стороне союзников по антигитлеровской коалиции (как правило, в удаленном формате), выявившее очевидную отсталость военно-технического оснащения их вооруженных сил, побудило правящие круги задуматься о повышении уровня обороноспособности в контексте внешних и внутренних вызовов и угроз.

Среди примеров вовлеченности латиноамериканских стран в боевые операции следует назвать, в первую очередь, Бразилию: пехотная дивизия и авиационная эскадрилья успешно воевали в составе 5-й армии США на

итальянском фронте с сентября 1944 г., а военно-морские силы (ВМС) совместно с американцами осуществляли противолодочную оборону Атлантики. Имели место эпизоды с участием военных других стран региона: в 1942 г. дивизион из четырех подводных лодок советского Тихоокеанского флота совершил беспрецедентный переход из Владивостока в Мурманск через Панамский канал, и при движении вдоль тихоокеанского побережья Центральной Америки подводников прикрывали военные самолеты Гондураса; в мае 1943 г. ВМС Кубы удалось потопить германскую подводную лодку; мексиканская авиационная часть воевала на Филиппинах и Тайване в 1945 г. и т.д.

Показательно, что именно в период Второй мировой войны в страны Латинской Америки были осуществлены первые в их истории сравнительно крупные поставки вооружений (в основном самолеты и военно-морские катера различного назначения) стоимостью 421 млн долл. в рамках программы ленд-лиза США (около 1% всего объема программы) [6, с. 27]. Эксплуатация этой техники потребовала создание национальных технических центров по ее обслуживанию и ремонту, ставших впоследствии базой для развития отдельных направлений военных производств.

Заслуживает внимания отношение латиноамериканских стран к уровню оснащенности вооруженных сил в контексте их членства в Межамериканском договоре о взаимной обороне (или пакт Рио-де-Жанейро), подписанном между США и латиноамериканскими странами в 1947 г. Участие в военном сотрудничестве, начатом в рамках этого пакта, в определенной степени способствовало дальнейшему осмыслению латиноамериканскими военно-политическими элитами содержания концепций национальной безопасности и выстраиванию конкретных планов по обновлению оснащения их армий. Вместе с тем предоставляя латиноамериканцам частичный доступ к своим военным технологиям, в значительной степени устаревшим, США исходили не из бескорыстного желания оказать помощь в укреплении их обороноспособности, а хотели еще больше вовлечь государства Латинской Америки в сферу своего влияния. При этом имело место стремление навязать латиноамериканским партнерам вооружение исключительно американского производства, что представляло собой образчик недобросовестной конкуренции в противовес интересам других мировых производителей.

Однако по мере того, как США, опираясь на положения пакта, неоднократно вмешивались во внутренние дела латиноамериканских стран (известные события в Гватемале, 1954 г.; Доминиканской Республике, 1965 г.; Гренаде, 1983 г. и др.), в рамках этой организации наметились процессы коррозии отношений вплоть до возникновения центробежных устремлений, а также формирования к середине 1960-х годов целесообразности поиска альтернативных США партнеров в деле переоснащения вооруженных сил. Неудивительно поэтому, что выдвигавшаяся США в тот период времени идея о создании так называемых объединенных постоянных межамериканских вооруженных сил под фактическим командованием Пентагона не получила одобрения в латиноамериканском сообществе [7, с. 18].

Весьма убедительным дополнительным аргументом в пользу диверсификации ВТС послужило успешное и показательное для всего латиноамериканского сообщества отражение революционной Кубой в апреле 1961 г. вооруженной атаки отрядов контрреволюционных сил в районе карибского побережья острова (в заливе Кочинос), осуществлявшейся при прямой поддержке Пентагона и ЦРУ. С военной точки зрения решающую роль в обеспечении разгрома диверсионного контингента сыграли уже поставленные к этому времени Кубе первые образцы советской бронетехники и самоходной артиллерии, что было признано впоследствии и Белым домом [8, сс. 11-112]. Оказанное правительству Фиделя Кастро со стороны СССР оперативное содействие сорвало планы США по осуществлению еще более крупной антикубинской военной операции (так называемый проект *Mongoose*) [9, с. 320].

Подчеркнем, что последовавшие позже более крупные и комплексные поставки советской военной техники и вооружений на Кубу — впервые в истории отношений СССР со странами Латинской Америки — имели чрезвычайно важное значение прорывного характера с точки зрения укрепления на латиноамериканском континенте имиджа и демонстрации преимуществ современного и надежного оборонительного вооружения, по праву получившего крылатое название «оружие победы» над фашизмом во Второй мировой войне, репутация которого в мире была весьма высока.

В самом начале 1970-х годов важным этапом на этом пути стало эффективное военно-техническое взаимодействие СССР с военным правительством Перу, пришедшим к власти в результате «политизации вооруженных сил в духе патриотизма и социального реформаторства» [10, с. 26]. Были осуществлены масштабные поставки различных современных на тот момент видов вооружений и военной техники, которые вплоть до настоящего времени в основном находятся на вооружении перуанской армии: боевая и транспортная авиация (МиГ-29, Су-25, Ан-32, Ан-72), большой вертолетный парк (Ми-25, Ми-35, Ми-17, Ми-26), бронетехника (танки Т-55), системы ПВО (ЗРК С-125) и др.

В конце 1990-х годов в Колумбию поступила крупная партия российских военно-транспортных вертолетов Ми-17В1, до настоящего времени играющих заметную роль в военном противостоянии с незаконными военизированными формированиями, наркокартелями и оргпреступностью. Основой военного снаряжения Национальной армии Никарагуа, сформированной после свержения диктатуры Анастасио Сомосы в результате сандинистской революции (1979 г.), стали российские системы вооружений и военная техника (вертолеты Ми-8/17, различные виды бронетехники, стрелкового оружия и др.). В конце 1990-х годов крупные партии вертолетной техники российского производства (различные транспортные модели марки Ми, более 50 единиц) были закуплены Мексикой.

Однако было бы необъективным считать, что упомянутые первые успехи предприятий советского/российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) на латиноамериканском рынке оружия явились единственным отражением сформировавшегося в 60-х годах стремления основных стран региона к диверсификации внешних источников получения совре-

менных систем вооружения. Надо признать, что преимущественное положение США в этой области не в меньшей степени пошатнулось в результате конкурентной деятельности со стороны западноевропейских производителей, прежде всего Франции. Показательным в этом отношении стал аргентинский «План Европы», который позиционировался как начало новой политики, направленной на ликвидацию зависимости от одного внешнего поставщика (США) и переход к созданию национальной военной промышленности. Так, к 1970 г. Франция заключила целый ряд крупных контрактов с Аргентиной, Бразилией, Чили, Колумбией, Венесуэлой и другими странами на поставку авиатехники, включая сверхзвуковые истребители *Mirage V*, танки *AMX*, вертолеты и ракеты различного класса и др. [11, с. 26].

К началу XXI в. Латинская Америка превратилась в довольно перспективный и емкий рынок ПВН, привлекательный для основных производителей вооружения мирового уровня, в том числе России. Этому во многом способствовал комплекс сложившихся к началу столетия на региональном уровне факторов как геополитического, национального, так и финансово-экономического и промышленно-технологического характера. Наиболее важной тенденцией стало дальнейшее ослабление влияния США на внешнеполитический курс основных латиноамериканских стран в целом и в области выбора внешних партнеров ВТС, в частности. Падение престижа США в регионе, который они привыкли считать естественной сферой своего влияния, — это объективный процесс, ставший результатом долгих лет их вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств [12, с. 14].

На фоне отмеченных тенденций в начале текущего столетия в ряде стран континента (Венесуэле, Аргентине, Бразилии, Боливии и Эквадоре) к власти демократическим путем пришли левоцентристские правительства разной степени радикальности, отказавшиеся от неолиберального экономического курса и взявшие курс на проведение гораздо более самостоятельной внутренней и внешней политики. Все это не могло не отразиться и на политике этих стран в области военного строительства. Образованная в 2004 г. без участия США региональная организация Союз южноамериканских наций (*Unión de las Naciones del Sur, UNASUR*), отразившая «возникшее и укрепившееся в Латинской Америке стремление к большей автономности во внешних делах — и в особенности от Соединенных Штатов» [13], несмотря на сравнительно короткий период своей эффективной деятельности, позволила местному политическому и военному истеблишменту глубже понять современные вызовы и угрозы, а также место и роль вооруженных сил в данном контексте. Особую роль в этом сыграл созданный в рамках *UNASUR* коллективный орган — Южноамериканский совет обороны (*Consejo de Defensa Suramericano, CDS*), призванный решать, среди прочих, задачи координации военно-технической деятельности, развития и оснащенности вооруженных сил, в том числе путем диверсификации зарубежных партнеров в области ВТС.

Переход латиноамериканских стран к осуществлению весьма капиталоемкому процессу модернизации вооружений стал возможен, вместе с тем,

только с учетом начавшегося в начале XXI в. периода повышенного экономического роста, обусловленного преимущественно существенным укреплением мировой нефтяной конъюнктуры. Это имело важное значение для таких крупных региональных производителей углеводородов, как Венесуэла, Бразилия, Мексика, Эквадор и частично Колумбия и Боливия. В целом только за период с 2003 по 2008 г. военные расходы стран Латинской Америки выросли на 91% — с 24,7 до 47 млрд долл. [14].

Дискуссионным в определенной степени остается вопрос о том, насколько отдельные нерешенные территориальные споры, сохраняющиеся на латиноамериканском континенте в XXI в., служат мотивацией для наращивания арсеналов вооружений, поскольку дипломатия латиноамериканских стран последовательно декларирует в качестве важнейшего принципа внешней политики решение конфликтных ситуаций мирным путем посредством международно-правовых механизмов в рамках ООН, ОАГ и других международных организаций. Этот подход, однако, не противоречит и, более того, находится в диалектической связи с задачами по повышению обороноспособности и, не в последнюю очередь, для поддержания паритета в вооружениях со страной-оппонентом. Такая двойственность политики государства имеет научно-теоретическое обоснование и вытекает из самой природы международных отношений, «содержащих в самой своей сущности альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они базируются на вероятностном характере того и другого и поэтому включают в себя значительный элемент риска и столь же заметный аспект условности» [15, с. 467].

Практическое подтверждение теоретических постулатов международных отношений довольно ясно прослеживается в контексте нескольких имевших место на стыке XX и XXI вв. наиболее очевидных потенциальных очагов напряженности в Латинской Америке, вызванных территориальными притязаниями сторон. Здесь стоит, во-первых, упомянуть два локальных перуано-эквадорских вооруженных конфликта в 1981 и 1995 гг. за контроль над спорным участком на границе двух стран (район горного хребта Кондор у истоков реки Сенепа). Примечательно, что с обеих сторон в них задействовались стоящие на штатном вооружении отдельные советские/российские системы (вертолетная техника, малые противовоздушные системы и др.). Во-вторых, Перу, имевшая территориальные претензии к Чили по итогам Тихоокеанской войны в XIX столетии, оперативно среагировала в 2007 г. на поставку в Чили партии немецких танков *Leopard* путем приобретения в спешном порядке российских противотанковых систем и изучения вариантов обновления собственного танкового парка, основу которого составляют танки Т-55 советского производства. Еще одним примером может служить Боливия, которая, настаивая на возвращении выхода к океану, утраченного в ходе упомянутой Тихоокеанской войны с Чили, до сих пор содержит военно-морской флот, базирующийся на высокогорном озере Титикака, и одной из первых на континенте приступила к модернизации вооруженных сил. Следует упомянуть и обострение региональной ситуации в марте 2009 г., едва не спровоцировавшее вооруженный конфликт между Колумбией, с одной стороны, и Эквадором — с другой (так называемый кризис в Ангостуре), главной причиной которого стали по-

пытки США возместить потерю своей авиабазы в г. Манте (Эквадор), прибегнув к использованию колумбийских военных.

Представляется важным отметить, что в результате указанных выше процессов и тенденций именно к началу XXI столетия в большинстве стран Латинской Америки окончательно сформировалось и получило законодательное оформление понимание того, какими базовыми функциями на современном этапе должны наделяться вооруженные силы. Этот набор основополагающих задач, незначительно варьирующийся в каждом конкретном случае, включает в себя защиту территориальной целостности, независимости и суверенитета страны, обеспечение внутренней безопасности, охрану государственных границ, содействие правоохранительным органам в борьбе с организованной преступностью, наркотрафиком, ликвидацию последствий стихийных бедствий и некоторые другие.

Так, в Мексике эти задачи закреплены в законах о сухопутных войсках (1998 г.) и о министерстве морского флота (2003 г.), [16, 17] которые одновременно послужили нормативной базой для разработки программы по обеспечению вооруженных сил страны современными видами вооружений и военной техники. В Колумбии на сухопутные войска возлагаются задачи борьбы с нелегальным производством и распространением наркотиков и проведение операций против незаконных вооруженных формирований, на ВВС — завоевание превосходства в воздухе и оказание воздушной поддержки операциям сухопутных войск, на военно-морские силы — проведение операций в открытом море с целью защиты национальных интересов, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства, а также борьба с перевозкой наркотиков морским путем [18]. В Бразилии в рамках программы реформирования вооруженных сил к 2030 г. планируется создание боеспособных, отвечающих современным требованиям ВС, гарантирующих защиту суверенитета и территориальной целостности страны в условиях меняющейся международной обстановки [19, с.15]. Схожие положения определяют задачи и регламентируют деятельность вооруженных сил Венесуэлы, Перу, Аргентины, Чили, Эквадора и других стран.

Обращает на себя внимание тот факт, что главный акцент в рамках законотворческого процесса был сделан на еще большем, по сравнению с прошлыми историческими периодами, усилении роли и предназначения вооруженных сил как национального института в сфере выполнения ими внешней функции — обеспечение национального суверенитета и территориальной целостности. В качестве внутренней функции на первый план вышли задачи социального плана, а также противодействия получившей большой размах организованной преступности различной направленности и террористическим проявлениям.

Изложенные аспекты свидетельствуют и об углублении трансформации политических систем латиноамериканских государств в направлении укрепления демократических институтов и усиления контроля последних над функционированием вооруженных сил (хотя динамика и глубина этих процессов не везде одинаковы и однозначны). Это дает основание ряду экспертов относить современный формат места латиноамериканских армий в системе государственной власти к переходной модели, означающей по-

степенное распространение влияния на них со стороны гражданских институтов [20, с. 6]. То есть характерная ранее для подавляющего большинства государств региона формула «если армия и не управляет сама, она решает, кто управляет» [21, с. 38] перестала быть обязательной нормой. Напротив, в настоящее время в государствах Латинской Америки «подчиненность вооруженных сил гражданским властям настолько сильна, что делает весьма маловероятными военные перевороты. Но у латиноамериканских демократий появились новые враги — организованная преступность и коррупция» [22, с. 19].

С таким подходом можно, на наш взгляд, согласиться, приняв во внимание, что влияние латиноамериканских армейских кругов на политическую жизнь своих стран в настоящий период эволюционирует через участие отставных или даже действующих военных в структурах конституционной государственной власти, включая выборные посты глав государств, депутатов разного уровня, губернаторов и полномочия министров и т.д. Примерами этого являются Венесуэла (в особенности в период правления Уго Чавеса (1998—2013), Перу (президент Ольянта Умала (2011—2016), Колумбия (в том понимании, что гражданский политик Хуан Мануэль Сантос перед избранием президентом (2010—2018) являлся эффективным министром обороны), современная Бразилия. Именно государственные деятели подобного типа, не утратившие корпоративную или политическую приверженность потребностям армии, способны независимо от политических предпочтений обеспечить принятие кардинальных программ перевооружения современными видами оружия в рамках, существующих в демократическом латиноамериканском обществе.

В итоге в начале 2000-х годов во многих странах Латинской Америки в соответствии с обновленными базовыми функциями вооруженных сил были приняты конкретные решения в области военного строительства, направленные на переоснащение и модернизацию вооружений, представленных, как правило, уже устаревшими образцами 1950—1970-х годов. При этом, как правило, выдвигалась цель привлечения передовых мировых военно-технических наработок и технологий в виде как готовой новейшей ПВН, так и налаживания национальных военных производств. Эти масштабные планы, наиболее характерные для Бразилии, Венесуэлы, Перу, Колумбии, Аргентины и Чили, не могли не привлечь внимания основных мировых производителей и экспортеров и не в последнюю очередь России, уже приобретшей к этому времени, как мы видим, неплохие позиции в области ВТС на континенте в предшествующие десятилетия.

Основное внимание в рамках начатых процессов по модернизации военных arsenалов практически во всех латиноамериканских странах было уделено (и продолжает уделяться) развитию военной авиации (боевой, транспортной и учебной), а также многопрофильного вертолетного парка. Зарождение и развитие военной авиации в большинстве стран Латинской Америки относится еще к первой четверти XX в., а в начале 1950-х годов в крупных странах региона началось практическое освоение реактивной военной авиатехники. Приоритетом является и дальнейшее развитие военноморской техники (катера различного класса, включая река-море, корабли

класса корвет, ледокольные суда, дизельные, а в случае Бразилии — и атомные подводные лодки). Новым актуальным аспектом процесса перевооружения на современном этапе стали программы внедрения в общую систему обороны средств противовоздушной обороны разного уровня и дальности действия. По сути, речь идет о перспективах создания в некоторых странах региона нового вида вооружения, который там до недавнего времени практически отсутствовал.

Начиная с 2010-х годов в Латинской Америке возник предметный интерес к практическому развитию совершенно нового высокотехнологичного сегмента продукции военного и двойного назначения, а именно — к различным цифровым системам безопасности, в том числе комплексного характера, охватывающим самый широкий спектр направлений: безопасность границ и режимных объектов (правительственно-административных, военных, инфраструктурных, массового посещения и др.), кибербезопасность и комплексные технологии «Безопасный город». Важной привлекательной особенностью для производителей таких систем и оборудования, включая целый ряд российских компаний, является то, что к их потенциальным потребителям относятся не только структуры вооруженных сил, но и многочисленные организации, вне их периметра — правоохранительные органы, специальные службы, административные образования, частные охранные предприятия и профильные производственные компании. Это существенно расширяет финансовое содержание рынка такой продукции и сопутствующих услуг. Актуальность тематики систем безопасности усиливается в Латинской Америке отсутствием эффективного контроля за отдаленными и малонаселенными районами в силу особенностей топографии природных условий (огромная протяженность сухопутных и морских границ, сильно пересеченный рельеф, слабая дорожная сеть).

Принимая во внимание существенное расширение практики привлечения армейских подразделений к борьбе с растущей организованной наркопреступностью (в основном в Колумбии, Перу, Аргентине, Мексике и странах Центральной Америки), заметно повышается спрос армейского командования на различную военную технику и вооружение нового поколения, поскольку противостояние с таким хорошо вооруженным и экипированным по последнему слову техники противником требует высокой мобильности, способности оперативно перемещать воинские подразделения в заданные отдаленные районы и превосходства в вооружении. Такие потребности включают современные (новейших моделей) вертолеты, джипы повышенной проходимости, легкие бронемашины, патрульные катера, современное стрелковое оружие, переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК), средства радиоэлектронного подавления, системы распознавания лиц и другого контроля и т.д. Ликвидация последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф также относится к числу приоритетных сфер использования латиноамериканских армейских подразделений, выполняющих по сути функции министерств по чрезвычайным ситуациям, что требует их соответствующей технической оснащенности. Так, власти Перу на постоянной основе задействуют крупные контингенты военнослужащих с использованием вертолетов Ми-8/17 для ликвидации разрушительных последствий ливневых дождей.

Общей характеристикой начатых в XXI столетии в латиноамериканских странах мероприятий по модернизации и обновлению В и ВТ явилось то, что они проходили (и продолжают проходить) на основе требований к приобретению ПВН за рубежом, разработанных и принятых на законодательном уровне и отвечающих современной международной практике. Целью этих правил явилось не только определение организационных механизмов осуществления закупок, но и обеспечение максимальной транспарентности этого процесса для противодействия возможным коррупционным проявлениям со стороны местных и иностранных его участников. Так, ключевым условием закупки является обязательность проведения международных тендеров как открытого, так и закрытого типов, с обязательным сравнительным ознакомлением с продукцией всех ведущих мировых производителей конкретных видов вооружений.

Другим распространенным требованием стало следующее: поставка должна сопровождаться передачей технологий по обслуживанию и ремонту того или иного вооружения или даже по его полному или частичному производству.» В ряде стран континента (Бразилии, Чили, Перу и некоторых других) действует так называемое офсетное законодательство, предписывающее обязательное привлечение технологий в установленной законом пропорции к объему поставочного контракта за счет поставщика. С целью реализации закупки в рамках тендера назначается технический тендерный комитет, заключения которого по соответствию того или иного предлагаемого вида вооружения предварительно разработанным техническим требованиям — отражая одновременно позицию военного руководства — являются ключевыми, если не решающими, аргументами в процессе дальнейшего утверждения высшими политическими структурами.

Важно также отметить, что в качестве непреложного условия осуществления импорта оружия в большинстве латиноамериканских стран признается присущее международной практике требование-предоставление уполномоченным государственным военным органом страны-покупателя особого документального обязательства — сертификата конечного пользователя (СКП). Согласно этому документу, в котором подчеркивается межгосударственное содержание сделки, принимающая сторона берет на себя юридическое обязательство использовать своими официальными военными структурами импортируемую из Российской Федерации ПВН только в заявленных целях, не допуская его передачу третьим сторонам и, тем более, попадание в руки незаконных формирований или преступных элементов. Кроме того, наличие СКП — необходимое условие для принятия российскими федеральными органами власти положительного решения на экспортный вывоз этой продукции [23, с. 544].

Конкретные содержание и глубина осуществляемых с начала 2000-х годов в странах Латинской Америки программ по обновлению военных arsenалов, а также результативность участия в них российского ОПК особенно полно проявились в Бразилии и Венесуэле, где развитие военного строительства приобрело наиболее комплексный и масштабный характер. С приходом к власти в Бразилии в 2003 г. левоцентристского правительства Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003—2011) эта страна стала активно раз-

вивать многовекторную политику и диверсифицировать контакты в сфере ВТС. Такой подход бразильского руководства был своевременно подмечен и эффективно использован в целенаправленной маркетинговой деятельности российских ведомств, организаций и предприятий ОПК, проявивших предметный интерес к происходившим в этой стране процессам. При этом принималось во внимание, что Бразилия располагает самыми многочисленными вооруженными силами в Латинской Америке и наиболее развитым оборонно-промышленным комплексом. Бразилия — единственная страна на континенте, обладающая крупным авиастроительным кластером (корпорация *Embraer S.A.*), а также наиболее развитой судостроительной промышленностью, позволяющей производить на национальных верфях суда водоизмещением до 75 тыс. т. Это позволяет реализовывать программы строительства атомной подводной лодки, а также дизель-электрических лодок.

Крупнейшим проектом на бразильском рынке стал объявленный в 2001 г. международный тендер на приобретение самолетов истребительной авиации для ВВС страны (программа *F-X*), привлечший интерес таких мировых лидеров авиастроения, как США, Франция, Россия и Швеция. Для России участие в этом тендере было знаковым, поскольку впервые на международном уровне был позиционирован новейший на тот период времени авиационный проект в этом сегменте — многоцелевой истребитель Су-35, представляющий собой авиационную платформу поколения «четыре плюс» с элементами следующего пятого поколения. Конкурентами выступали США (*F-16 Fighting Falcon*), Франция (*Dassault Rafale*), европейский консорциум *Eurofighter Jagdflugzeug GmbH (Typhoon)* и Швеция (*Saab JAS 39*). После нескольких лет интенсивной разноплановой конкурентной борьбы, включавшей весьма затратные для участников многочисленные мероприятия (переговоры, презентации, статические показы и демонстрационные полеты, ознакомления с заводами-производителями и др.) бразильские власти отложили принятие решения, сославшись на отсутствие финансирования. В 2008 г. программа была возобновлена под новым наименованием *F-X2* с прежними участниками и завершилась победой в 2012 г. шведского проекта *Saab JAS*.

По оценкам бразильских и международных экспертов, шведское предложение гораздо более полно, чем предложения остальных конкурентов, отвечало одному из главных и жестких тендерных условий — передаче технологий для организации серийного производства самолетов на местных мощностях в качестве весомого дополнения к поставке первых 36 машин оригинальной сборки [24]. В то же время в ходе длительной реализации двух этапов тендера бразильские специалисты неоднократно давали самые высокие оценки техническим и летным характеристикам российского СУ-35, которые в итоге существенно усилили маркетинговую политику уполномоченных российских ведомств и организаций по созданию благоприятных предпосылок для последующего продвижения этого самолета на мировой рынок (дебютный экспортный контракт по Су-35 был подписан с КНР в 2015 г.).

Одновременно с программой *F-X2* руководство ВВС Бразилии провело тендерные мероприятия по модернизации парка боевых и военно-

транспортных вертолетов, в результате чего была высоко оценена новая российская машина Ми-35М. Подписанный в 2008 г. контракт на поставку этих вертолетов стал крупнейшим по объему за всю историю двусторонних отношений (более 400 млн долл.) [25]. Кроме того, сам факт заключения контракта, получивший широкую известность, содействовал продвижению вертолета на рынки других стран и регионов. Следует отметить, что в рамках выполнения контракта российская сторона передала технологии по ремонту вертолета, включая капитальный ремонт основных узлов и агрегатов, а также систему обучения технического и летного состава.

Бразилия одной из первых в регионе приступила к реализации планов по развитию системы ПВО страны и цифровых систем комплексной безопасности разного уровня и глубины. Первоначальной целью этого стало обеспечение безопасных условий проведения в стране чемпионата мира по футболу 2014 г. и Олимпийских игр в 2016 г. Помимо состоявшейся очередной поставки российских ПЗРК «Игла» в течение нескольких лет велась интенсивная двусторонняя работа по проработке поставки российского ракетно-артиллерийского комплекса ПВО «Панцирь-С1», который был одним из элементов системы безопасности зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. Констатируя последовавшую неудачу в осуществлении этого проекта по причинам, связанным в основном с ухудшением финансового положения и внутривластной ситуации в Бразилии, необходимо подчеркнуть, что этот процесс не прошел бесследно. Он побудил уже нынешнее политическое и военное руководство страны задуматься в практическом плане о создании более комплексной национальной системы ПВО с применением средств среднего или даже дальнего радиуса действия.

Бразильские военные структуры приступили к реализации национальных программ — Системы комплексного мониторинга границ (*Integrated Border Monitoring System, SISFRON*) и Системы ситуационного контроля Голубой Амазонии (*Sistema de Gerenciamento da Amazônia azul, SISGAAZ*) [13], подразумевающих возможность привлечения передовых иностранных технологий путем установление технологического партнерства с бразильскими компаниями. Ряд профильных российских компаний уже проявил маркетинговую заинтересованность в участии в этих проектах. Кроме того, бразильские правящие круги, как известно, уже давно разрабатывают планы по реализации национальной космической программы на основе национальной ракеты-носителя, давая неоднократно при этом понять, что рассчитывают на содействие России в осуществлении этого проекта.

С 2005 г. динамично развивается масштабное военно-техническое сотрудничество России с Венесуэлой, рынок вооружения которой ранее контролировался США, рядом европейских стран и Израилем. Венесуэльское направление стало для России поистине «прорывным» в том, что касается укрепления позиций российских производителей не только на венесуэльском, но и на латиноамериканском рынке вооружений на совершенно новом высоком уровне. Это стало следствием, прежде всего, политического фактора — прихода к власти в 1998 г. У.Чавеса, запустившего процесс так

называемой Боливарианской революции, внешнеполитический курс которой был нацелен на ослабление экономической и политической зависимости страны от США.

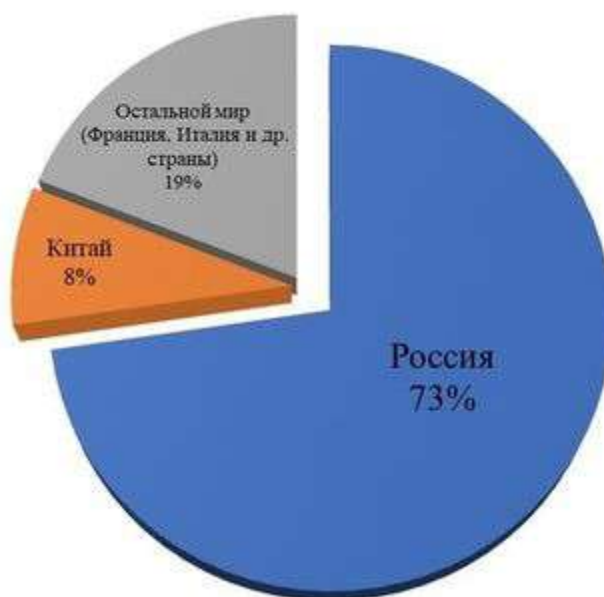
В то же время к началу правления У.Чавеса (декабрь 1998 г.) в стране уже назрели очевидные потребности в коренном техническом обновлении устаревших вооружений, что У.Чавес, будучи по образованию военным (и по практической карьере) отчетливо понимал. С 1995 г. прежнее военное командование планировало заменить базовое стрелковое оружие — старые бельгийские винтовки *FN FAL*; пополнить парк вертолетной техники для всех родов войск современными образцами боевого и военно-транспортного применения (здесь сыграло роль и стремление сохранять паритет по этому сегменту с соседней Колумбией, закупившей к этому времени крупную партию российских военно-транспортных вертолетов Ми-17В1); обновить состав военных самолетов (приоритетным был бразильский турбовинтовой штурмовик *EMB 314 Super Tucano* компании *Embraer S.A*); модернизировать военно-морской техники и т.д. Однако предпринятые правительством У.Чавеса первые практические шаги по реализации этих планов сразу же натолкнулись на жесткое противодействие США, избравших в отношении неудобной им власти, хотя и законно избранной, политику санкций, требуя при этом аналогичного подхода от своих союзников и партнеров. В результате стала невозможной, например, закупка упомянутых самолетов корпорации *Embraer S.A* из-за запрета Белого дома своим авиастроительным корпорациям поставлять бразильцам комплектующие компоненты и агрегаты под венесуэльский заказ. Похожая ситуация сложилась и вокруг всех других проектов ВТС с западными странами. Важно отметить, что именно из-за фактической блокады У.Чавес укрепился в своей позиции о необходимости взаимодействия с Россией в решении этих вопросов, подписав в мае 2001 г. в ходе первого официального визита в Москву межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

В результате предпринятых российскими уполномоченными организациями во взаимодействии с предприятиями российского ОПК своевременных и целенаправленных маркетинговых усилий, а также на основании упомянутого выше соглашения, в 2005—2010 гг. был заключен пакет контрактов общим объемом порядка 11 млрд долл., включавших поставку вооружения, военной техники, создание военных объектов различного профиля в интересах практически всех родов войск. В результате Венесуэла получила самолеты боевой авиации Су-30МК2, разнообразную линейку современных боевых и военно-транспортных вертолетов (Ми-35М — самая первая поставка как на международном, так и российском рынке, давшая «путевку в жизнь» этой машине, Ми-17В5, М-26Т), различные артиллерийские системы и средства ПВО, стрелковое вооружение. Завершено или находится на стадии завершения создание ряда ремонтных объектов, сборке стрелкового оружия, тренажерных центров [26, сс. 34-39]. С 2019 г. развернуто эффективное взаимодействие по капитальному ремонту военной техники (рис. 2).

Все более очевидным становится вывод о том, что благодаря России (и частично КНР) Венесуэла сегодня располагает, пожалуй, самыми

мощными вооруженными силами на южноамериканском континенте, что является эффективным сдерживающим фактором силового давления извне. Какое-либо прямое иностранное военное вмешательство было бы сопряжено со слишком крупными потерями его инициаторов, и поэтому оно представляется маловероятным. Можно также констатировать, что одной из главных характеристик российско-венесуэльского ВТС стал синэнергетический эффект в решении внешнеполитических задач России и одновременного обеспечения коммерческих интересов предприятий российского ОПК.

Р и с у н о к 2

Составлено на основе данных: Макиенко К. Как Россия продала Венесуэле оружия на 11,5 миллиардов долларов. *Профиль*. Available at: <https://profile.ru/military/kak-rossiya-prodala-venesuele-oruzhiya-na-11-5-milliarda-dollarov-67315/> (accessed: 23.05.2019).

Подписание в 2004 г. межправительственного соглашения о сотрудничестве в области ВТС между Россией и Перу — одним из ключевых российских партнеров еще с 1970-х годов — придало этому взаимодействию дополнительный импульс. Это позволило заключить серию контрактов по поставке нового военного имущества (в первую очередь военно-транспортных вертолетов Ми-171Ш и создание ремонтного центра в рамках офсета и противотанковых комплексов «Корнет»), а также по капитальному ремонту ранее поставленной техники и вооружения. В настоящее время Лима проявляет практический интерес к серьезному обновлению в среднесрочной перспективе ряда ключевых сегментов военной техники — боевой и учебно-боевой авиации, систем ПВО, а также бронетанковой техники с целью замены парка танков Т-55.

Доля российского импорта в Мексику относительно невелика — 6% (в то время как США — 64%, Испании — 9,5%, Франции — 8,5%). Но в подразделениях министерства военно-морского флота и министерства обороны успешно эксплуатируются российские вертолеты семейства Ми-8/17 (более 50 единиц), автомобили «Урал», а также ПЗРК «Игла». Именно в Мексике одним из первых в Латинской Америке создан (2004 г.) и функционирует центр по обслуживанию и ремонту вертолетной техники российского производства, располагающий тренажерным комплексом для обучения пилотированию и отработки внештатных ситуаций с применением компьютерного моделирования.

В качестве приоритетных направлений нынешнее военное руководство Мексики рассматривает общую модернизацию авиапарка, замену устаревших кораблей и катеров. Но главной угрозой для национальной безопасности по-прежнему провозглашается незаконный оборот наркотиков. Поэтому техническое оснащение армии и наращивание военного бюджета преимущественно увязываются с активным использованием военных подразделений в операциях против наркопреступности. Выделяется также бюджетное финансирование потребностей созданной в 2019 г. новой специальной службы Национальной гвардии в военной технике и вооружении. В целом военные расходы в Мексике в 2015—2019 гг. выросли на 17% по сравнению с периодом 2010—2014 гг., составив 25 млрд 475 млн долл. [27]. Проведение Чемпионата мира по футболу в Мексике в 2026 г. создает дополнительные возможности для продвижения российских технологий и специальных технических средств, успешно апробированных при обеспечении безопасности аналогичного события мирового значения, состоявшегося в России в 2018 г.

ВТС с Аргентиной значительного развития пока не получило. Страна переживает затяжной финансово-экономический кризис, что не позволяет осуществить масштабное переоснащение вооруженных сил. Так, в марте 2017 г. тогдашний министр обороны Хулио Мартинес заявил, что, несмотря на увеличение военного бюджета на 2017 г. на 22,3%, средств на закупку вооружений почти не остается [28, с. 39]. Единственным состоявшимся российско-аргентинским проектом в сфере ВТС стал в 2010 г. контракт на поставку двух вертолетов Ми-171Е (из пяти запрошенных) для использования в рамках осуществляемой министерством обороны национальной антарктической программы. Стоит также упомянуть, что в целях логистического и транспортного обеспечения указанной программы аргентинское военное ведомство неоднократно арендовало российское полярное судно «Василий Головин» (с вертолетами Ка-32 на борту) и ледокол «Капитан Драницын». Сохраняется долгосрочный план строительства на национальной верфи судна ледокольного типа с привлечением иностранных технологий. Однако в силу жестких ограничений бюджета военного ведомства все указанные и некоторые другие проекты, в которых собирались принять участие российские поставщики ПВН (например, в обновлении авиапарка) остаются нереализованными.

В Колумбии, Эквадоре, Боливии и Уругвае (партнеры России в области ВТС в разных объемах и степени) также разработаны плановые мероприятия средне- и долгосрочного характера по перевооружению. Они охваты-

вают (со спецификой в каждом конкретном случае) схожие с другими странами региона темы: развитие авиации, включая вертолеты, средства ПВО малой и средней дальности, легкая бронетехника, цифровые системы безопасности и др., что не может не вызывать предметный маркетинговый интерес у российских производителей В и ВТ.

В отличие от большинства стран Латинской Америки совсем иначе выглядят отношения в области ВТС России и Чили. Несмотря на многолетнюю целенаправленную маркетинговую совместную работу российских производителей ПВН и «Рособоронэкспорта», включая постоянное участие российских делегаций в проводимых в Чили престижных международных выставках ПВН — *FIDAE* (авиация и военные технологии) и военноморской техники в г. Вальпараисо, а также сравнительно устойчивое финансово-экономическое положение страны, к настоящему времени не удалось выйти ни на один из вариантов сотрудничества. В 2003—2008 гг. предметно изучался проект поставки военно-транспортных вертолетов Ми-17В5 с проведением — по требованию чилийцев — демонстрационных показов этой машины в России и Чили, однако эта работа была остановлена чилийской стороной на завершающей стадии обсуждения контракта.

Оценивая уровень российских связей с латиноамериканскими партнерами по линии ВТС на современном этапе, приходится констатировать, что в последние пять-шесть лет их положительная динамика замедлилась при сохранении потенциала для роста. Среди факторов, отрицательно влияющих на развитие ВТС со странами региона, в первую очередь необходимо выделить последствия глобального финансово-экономического кризиса 2008—2011 гг., одним из которых стало существенное ослабление местных валют, и, как следствие, многократное увеличение затрат на импортные операции. Последовавшее одновременно резкое снижение цен на мировом рынке углеводородов обусловило еще большее сокращение бюджетов военных ведомств таких стран, как Бразилия, Венесуэла, Аргентина, Колумбия и др. Совокупный объем импортных поставок на латиноамериканский оружейный рынок в 2015—2019 гг. в сравнении с предыдущим пятилетним периодом сократился на 4% [14].

Проблемы преимущественно финансового характера пока не позволили ряду латиноамериканских стран приступить к реализации целого ряда запланированных крупных проектов в интересах своих ВС, в которых предполагалось конкурентное участие и российских производителей. К таковым, например, относится назревшая тема обновления учебно-боевой авиации, особо актуальная для Мексики, Бразилии, Уругвая и Перу. В течение нескольких лет с этими странами проводилась разноплановая маркетинговая работа по продвижению одного из лучших на сегодняшний день на мировом рынке российского современного учебно-боевого самолета Як-130, включая возможность налаживания сборки этой машины в местных условиях. Похожая ситуация сложилась и с проектами коренного обновления боевой авиации в Колумбии, Мексике, Перу и Аргентине, на предварительной стадии подготовки которых военные специалисты этих стран заинтересованно знакомились (наряду с другими альтернативами) с российскими техническими предложе-

ниями по Су-35, Су-30, МиГ-29, МиГ-35, входящими в элиту современной мировой истребительной авиации.

Если финансово-экономический кризис в целом одинаково негативно отразился как на военно-технической деятельности России в Латинской Америке, так и на остальных основных мировых производителях ПВН, то дополнительные усугубляющиеся сложности для продвижения продукции именно российского ОПК создают, начиная с 2014 г., направленные против него односторонние санкции США. В рамках этого режима, представляющего собой не что иное, как проявление недобросовестной конкуренции, на латиноамериканских партнеров России оказывается прямое или косвенное воздействие финансово-экономического или политического характера с целью блокирования ее усилий в сфере ВТС.

В этом контексте сложившаяся в регионе общая политическая атмосфера с точки зрения ее благоприятности для укрепления позиций российского ОПК не в последнюю очередь, на наш взгляд, зависит от степени уступчивости той или иной страны нелегитимному американскому санкционному давлению, а не является только производной от внутривнутриполитической конъюнктуры, определяемой приходом к власти правительства более умеренного в политическом отношении, чем предыдущее. О правомерности такого подхода может свидетельствовать нынешняя практика России на других региональных оружейных рынках, в рамках которой, несмотря на санкции, довольно успешно реализуются крупные проекты в области ВТС с такими различными (иногда даже полярными) по идеологической, политической и конфессиональной направленности государствами, как КНР, Вьетнамом, Индией, Турция, Индонезия, ОАЭ, Саудовская Аравия и т.д. Наряду с этим не следует недооценивать и неблагоприятный фактор активизации в последние годы деятельности конкурентов России, прежде всего США, Франции, Израиля и Китая.

Рассматривая изложенные аспекты сквозь призму определения перспектив и направлений деятельности России на латиноамериканском рынке вооружений, необходимо, как представляется, опираться, прежде всего, на исторический успешный полувековой опыт военно-технического сотрудничества СССР и России со странами Латинской Америки. Это уже само по себе создает базовые предпосылки для дальнейшего поступательного укрепления этого взаимодействия. Во-первых, наличие во многих латиноамериканских странах вооружения и военной техники советского/российского производства определяет необходимость поддержания их боеготовности. Это, в свою очередь, подразумевает постоянное двустороннее бизнес-партнерство по осуществлению регламентных и ремонтных работ, в том числе капитальных, поставкам запчастей, обустройству местных ремонтных мощностей, ротационному обучению национальных специалистов и т.д. Такой формат сотрудничества, определяющий долгосрочность влияния России на региональном оружейном рынке, развивается ныне во многих странах — Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Мексике, Кубе, Никарагуа, Перу, Уругвае, Эквадоре, Аргентине и некоторых других.

Во-вторых, иностранные специалисты, использующие российские В и ВТ нередко подчеркивают, что Россия проявляет, пожалуй, наи-

большую открытость в плане передачи заказчикам военных технологий в качестве сопровождения поставочных контрактов, что в целом наиболее полно отвечает растущим требованиям латиноамериканских государств по развитию национальной военной промышленности. Эти оценки создают неплохие условия для более динамичного внедрения востребованных временем таких комплексных форм военно-технического взаимодействия, как передача лицензий на производство отдельных видов вооружения и запасных частей и выстраивание различных видов кооперационных связей. При этом контроль за выпуском лицензионной ПВН и ее качеством должна осуществлять (полностью или на паритетной основе) российская сторона.

В-третьих, в крупных государствах Латинской Америки продолжается процесс модернизации вооружений за счет привлечения современных военных технологий, в которых Россия, как один из лидеров мирового оружейного рынка, располагает ведущими конкурентными компетенциями (в сегментах авиации, ПВО, бронетехники, систем безопасности и др.). И хотя эта деятельность носила в последнее время в странах региона, как мы видим, не всегда последовательный характер, необходимость довести ее до логического завершения не подвергается сомнению политическим и военным истеблишментом этих стран вне зависимости от его сменяемости и политической ориентации. Здесь важно также подчеркнуть, что при условии проведения закупок на внешнем рынке ПВН в полном соответствии с общепринятыми международными требованиями, на которые сейчас ориентируются практически все крупные латиноамериканские страны, возникает высокая вероятность участия российских уполномоченных компаний в национальных открытых тендерах. Их конечные результаты, как показывает практика ВТС, во многом зависят от конкурентоспособности технических и финансовых аспектов оферты, а не только от уровня политического лоббирования или давления.

Наконец, в-четвертых. В последние годы международное экспертное сообщество признает очевидность роста популярности российской продукции военного назначения на мировом рынке, ее высокую функциональность, надежность, простоту в эксплуатации на фоне результатов эффективного применения в локальных конфликтах, в первую очередь в Сирии. Это относится, например, к транспортно-боевому вертолету Ми-35М, продемонстрировавшему высокие тактико-технические характеристики непосредственно в условиях боев с террористическими группировками. Стоит подчеркнуть, что первыми в мире покупателями этой машины (даже опередив их поступление в российские вооруженные силы) стали Венесуэла (2005 г.) и Бразилия (2008 г.). Известно также, что бразильские специалисты в области ПВО были откомандированы в одну из стран Ближнего Востока для изучения практики применения в боевых условиях системы «Панцирь С-1».

Важнейшей предпосылкой укрепления позиций России на мировом рынке вооружений, включая латиноамериканский, является растущая поддержка маркетинговой деятельности уполномоченных организаций — «Рособоронэкспорта» и других субъектов ВТС — со стороны федеральных органов власти (МИД, Министерства обороны, Федеральной службы по военно-техническому сотру-

ничеству и др.), а также высшего руководства. В последние два десятилетия президенты России не менее десяти раз посещали латиноамериканский регион; заметно участились поездки туда министров иностранных дел и обороны. Во время этих визитов тематика развития сотрудничества в области ВТС обсуждалась в качестве одной из приоритетных.

В рамках созданных практически со всеми крупными латиноамериканскими государствами межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству на правах подкомитетов (в ряде случаев отдельно) действуют группы по ВТС, являющиеся эффективной площадкой для обсуждения состояния и перспектив взаимодействия в данной сфере. В семи странах региона (Мексике, Венесуэле, Кубе, Колумбии, Бразилии, Перу, Аргентине) ведут активную маркетинговую работу представительства государственной корпорации «Ростех».

Таким образом, в ходе практической реализации внешнеполитического курса России в части военно-технического сотрудничества со странами Латинской Америки лоббизм как категория политических технологий превратился в условиях глобальной высоко конкурентной среды в эффективный способ содействия продвижению интересов российских компаний ОПК на маркетинговом и политическом уровнях. В данном контексте Россия действенно отвечает на практики западных государств, прежде всего США, Франции и Великобритании, активно лоббирующих интересы собственных ОПК на международной арене, нередко нарушая нормы добросовестной конкуренции. В российском же понимании лоббизм в сфере ВТС — это, прежде всего, «технология позиционирования и продвижения продукции военного и двойного назначения на мировом рынке вооружений посредством создания условий, при которых лица, принимающие решения, получают полное представление о преимуществах тех или иных вооружений и технологий» [3, с. 35].

Что касается противодействия негативному влиянию американских санкций на развитие ВТС России с латиноамериканскими странами, то долгосрочным приоритетом российской внешней политики должно стать еще большее углубление политических и торговых связей со странами-партнерами до такого уровня, при котором экстерриториальный санкционный режим не сможет нарушить двустороннее партнерство в сфере ВТС, представляющее собой весомый фактор укрепления обороноспособности этих государств.

Латиноамериканский рынок вооружения, как мы видим, непрерывно развивается и совершенствуется в соответствии с военно-политическими задачами, которые ставят перед собой основные участники этого процесса. Именно система взаимоотношений этих субъектов и определяет состояние регионального рынка вооружений и динамику его изменений. При этом в конкурентной борьбе за ниши на этом рынке ПВН, оцениваемый мировыми производителями-лидерами как перспективный, используется весь арсенал политических, экономических, маркетинговых и других методов.

В этом контексте Россия, обладая многолетним опытом эффективного применения различного инструментария в ходе практического осуществления военно-технического сотрудничества с большим количеством зарубежных партнеров, а также с постоянно развивающимся оборонно-промышленным комплексом, обеспечивающим российские

вооруженные силы современным, высокотехнологичным и надежным вооружением и военной техникой, зачастую превосходящими по своим параметрам зарубежные аналоги, обоснованно может рассчитывать на дальнейшее расширение и укрепление позиций на латиноамериканском рынке оружия. Это, в свою очередь, будет содействовать повышению уровня сбалансированности двусторонних торгово-экономических отношений во избежание отмечающегося с рядом стран региона общего сальдо товарообмена не в пользу России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Макиенко К. Российский экспорт вооружений в 2014-2018 гг.: стагнация объемов, рост рисков, ухудшение внешней среды. *Обсерво* [Makienko K. Rossijskij eksport vooruzhenij v 2014-2018 gg.: stagnaciya ob'emov, rost riskov, uhudshenie vneshnej sredy [Russian arms exports in 2014-2018: stagnation of volumes, increased risks, deterioration of the external environment (In Russ.)]. *Observo*. Available at: <https://www.obsfr.ru/aktualnyi-kommentarii/aktualnyi-kommentarii-podrobno/article/rossiiskii-ehksport-vooruzhenii-v-2014-2018-godakh-stagnaciya.html> (accessed: 09.12.2019).
2. Россия начала военное сотрудничество с 39 странами за пять лет. *РИА Новости*. [Rossiya nachala voennoe sotrudnichestvo s 39 stranami za pyat' let [Russia has started military cooperation with 39 countries in five years (In Russ.)]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20191227/1562912160.html> (accessed: 27.12.2019).
3. Гореславский С.С. Торговля вооружениями как инструмент политического влияния на международной арене. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2019. [Goreslavskij S.S. Torgovlya vooruzheniyami kak instrument politicheskogo vliyaniya na mezhdunarodnoj arene. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk [Arms trade as an instrument of political influence in the international arena. Dissertation for the degree of candidate of political science (In Russ.)]. Available at: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/goreslavskij-dissertaciya.pdf> (accessed: 14.02.2020).
4. Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества. М., Статут, 2018, т.2, 816 с. [Kudashkin V.V. Pravovye osnovy voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [The legal framework of military-technical cooperation]. Moscow, Statut, 2018, t.2, 816 p. (In Russ.)].
5. SIPRI. Available at: www.sipri.org/databases/armstransfers (accessed: 09.08.2019).
6. Стеттинус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., Вече, 2000, 400 с. [Stettinus E. Lend-lease – oruzhie pobedy [Lend-lease - weapon of victory]. Moscow, Veche, 2000, 400 p. (In Russ.)].
7. Селиванов В.Н. Экспансия США в Латинской Америке. М., Воениздат, 1975, 194 с. [Selivanov V.N. Ekspansiya SSHA v Latinskoj Amerike [The expansion of the United States in Latin America]. Moscow, Voenizdat, 1975, 194 p. (In Russ.)].
8. Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., Academia, 2006, 1071 с. [Mikoyan S.A. Anatomiya Karibskogo krizisa [Anatomy of the Caribbean crisis]. Moscow, Academia, 2006, 1071 p. (In Russ.)].
9. Ладыгин Ф.И. США - Россия. Партнер или противник. М., Кучково поле, 2014, 432 с. [Ladygin F.I. SSHA - Rossiya. Partner ili protivnik [USA - Russia. Partner or opponent]. Moscow, Kuchkovo pole, 2014, 432 p. (In Russ.)].
10. Шульговский А.Ф. Революционные, освободительные процессы и идеологическая борьба в Латинской Америке. *Проблемы и движущие силы революционного процесса в Латинской Америке. Сб. статей*. Отв. ред. Шульговский А.Ф., М., ИЛА РАН, 1977, 426 с. [Shul'govskij A.F. Revolyucionnye, osvoboditel'nye processy i ideologicheskaya bor'ba v Latinskoj Amerike. Problemy i dvizhushchie sily revolyucionnogo processa v Latinskoj Amerike. Sb. statej. Отв. ред. Shul'govskij A.F. [Problems and driving forces of the revolutionary process in Latin America]. Moscow, ILA RAN, 1977, 426 p. (In Russ.)].
11. Тарасов К.С. США и Латинская Америка. М., Политиздат, 1972, 359 с. [Tarasov K.S. SSHA i Latinskaya Amerika [USA and Latin America]. Moscow, Politizdat, 1972, 359 p. (In Russ.)].

12. Давыдов В.М., Мартынов Б.Ф. Латиноамериканская проблематика в XXI веке и позиция России. *Россия в глобальном мире: 2000-2011: Хрестоматия в 6 томах*. Рос. совет по межд. делам. Общ. ред. Иванова И.С. М., Аспект Пресс, 2012, т.3, сс. 1076-1091. [Davydov V.M., Martynov B.F. Latinoamerikanskaya problematika v XXI veke i pozitsiya Rossii. *Rossiya v global'nom mire: 2000-2011: Hrestomatiya v 6 tomah*. Ros. sovet po mezhd. delam. Obshch. red. Ivanova I.S. [Russia in the global world: 2000-2011: anthology in 6 volumes]. Moscow, Aspekt Press, 2012, t.3, pp. 1076-1091. (In Russ.).]
13. Costa Vaz A., Fuccille A., Pereira Rezende L. UNASUR, Brazil, and the South American defence cooperation: A decade later. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Available at: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0034-73292017000200211 (accessed: 11.09.2019).
14. SIPRI. Available at: www.sipri.org/publications/2020/Siri-facts-sheets/trends-arms-transfers-2019 (accessed: 11.08.2019).
15. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М., Аспект Пресс, 2019, 608 с. [Alekseeva T.A. Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka [Theory of international relations as a political philosophy and science]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 608 p. (In Russ.).]
16. Официальная страница Секретариата Министерства национальной обороны Мексики. Available at: <https://www.gob.mx/sedena> (accessed: 13.11.2019).
17. Официальная страница Военно-морского Секретариата Мексики. Available at: <https://www.gob.mx/semar> (accessed: 13.11.2019).
18. Официальная страница Министерства национальной обороны Колумбии Available at: <https://www.mindefensa.gov.co> (accessed: 14.11.2019).
19. Киряев С. Планы реформирования вооруженных сил Бразилии. *Зарубежное военное обозрение*. М., 2010, № 2, сс.15-19. [Kiryaev S. Plany reformirovaniya vooruzhennyh sil Brazili [Plans to reform the Brazilian armed forces]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. Moscow, 2010, N 2, pp.15-19. (In Russ.).]
20. Горбунов А.А. Мир цвета хаки. Вооруженные силы в системе государственной власти. М., Центр анализа стратегий и технологий, 2011, 208 с. [Gorbunov A.A. Mir cveta haki. Vooruzhennyye sily v sisteme gosudarstvennoy vlasti [The world of khaki. Armed forces in the system of state power]. Moscow, Centr analiza strategij i tekhnologij, 2011, 208 p. (In Russ.).]
21. Орлов А.Г. Политические системы стран Латинской Америки. М., Международные отношения, 1982, 192 с. [Orlov A.G. Politicheskie sistemy stran Latinskoj Ameriki [Political systems in Latin America]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1982, 192 p. (In Russ.).]
22. Gisela Vitelli M. Civil-Military Relations and Military Missions in Contemporary Latin America: Argentina's Sinuous Path Towards a Democratic Defense Policy (2011-2016). *Journal of the Brazilian political science Association*, São Paulo, 2018, N12 (3). Available at: https://brazilianpoliticalsciencereview.org/wp-content/uploads/articles_xml/1981-3821-bpsr-12-3-e0002/1981-3821-bpsr-12-3-e0002.pdf (accessed: 25.12.2019).
23. Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества. М., Статут, 2018, т.1, 1120 с. [Kudashkin V.V. Pravovye osnovy voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [The legal framework of military-technical cooperation]. Moscow, Statut, 2018, t.1, 1120 p. (In Russ.).]
24. Бразильский контракт на Gripen подписан. *BMPD*. [Brazil'skij kontrakt na Gripen podpisan [Brazilian contract for Gripen signed (In Russ.)]. *BMPD*. Available at: <https://bmpd.livejournal.com/1037667.html> (accessed: 20.12.2019).
25. Бразилия получила завершающую партию вертолетов Ми-35М. *Ростех*. [Braziliya poluchila zavershayushchuyu partiyu vertoletov Mi-35M. [Brazil received the final batch of Mi-35M helicopters (In Russ.)]. *Rostekh*. Available at: <https://rostec.ru/news/4515172/> (accessed: 20.12.2019).
26. Макенко К. Как Россия продала Венесуэле оружия на 11,5 миллиарда долларов. *Профиль*. [Makienko K. Kak Rossiya prodala Venesuele oruzhiya na 11,5 milliarda dollarov [How Russia sold \$ 11.5 billion worth of weapons to Venezuela (In Russ.)]. *Profil*. Available at: <https://profile.ru/military/kak-rossiya-prodala-venesuele-oruzhiya-na-11-5-milliarda-dollarov-67315/> (accessed: 21.12.2019).
27. México aumenta su gasto militar. *El Universal*, 13.03.20.

Татьяна Алексеева, Сергей Гореславский

28. Корольков А.В., Русакова Т.Ю. Военно-техническая политика Аргентины и ее влияние на геополитическую стратегию. *Латинская Америка*, № 3, 2018, сс.36-44, [Korol'kov A.V., Rusakova T.Yu. Voenno-tekhnicheskaya politika Argentiny i ee vliyanie na geopoliticheskuyu strategiyu [Military-technical policy of Argentina and its influence on the geopolitical strategy]. *Latinskaya Amerika*, N 3, 2018, pp.36-44 (In Russ.).

Tatiana A.Alekseeva (ataleks@mail.ru)

Dr. Phil., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Academy of Military Sciences, Head. Department of Political Theory of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Vernadsky pr., 74, 117454 Moscow, Russian Federation

Sergey S.Goreslavskiy (gorstefan@mail.ru)

Candidate of Political Sciences, Consultant to the Center for Defense Problems of the Academy of Military Sciences

Universitetsky Prospekt, 14, 119330 Moscow, Russian Federation

Military-technical cooperation of Russia with the countries of Latin America. Potential for development and risk factors

Abstract. The article contains the basic principles, trends and problems of military-technical cooperation (MTC) of Russia with the countries of Latin America. By the beginning of the 21st century, Latin America had become a rather promising, large-scale market for the import of military products, attractive to major world-class arms manufacturers, including Russia. This was largely facilitated by the complex of factors prevailing at the regional level, both in geopolitical, national-political, and financial-economic and industrial-technological spheres. As a result, in many countries of the region decisions were taken in the field of military construction aimed at the transition to the modernization of used weapons and military equipment, which are usually represented by outdated models of the 1950-1970s. The article reveals the potentially most significant areas of the Russian military-technical cooperation in the region, the risks and problems that hinder this cooperation, and the favorable prerequisites for building it up in the future.

Key words: Russia, Latin American countries, military-technical cooperation, military products, regional and world weapons market, tender procurement of weapons.

DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6

Received 11.06.2020.